

УДК 910 : 911

© А. Г. ИСАЧЕНКО

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)

Понятие «историческая география» далеко не ново для мировой науки, но до сих пор никому не удалось сформулировать такое определение исторической географии, ее задач, содержания, концептуальных основ, которое устраивало бы всех ее приверженцев. За последние десятилетия интерес к этому направлению научных исследований заметно возрос как со стороны географов, так и историков, однако разноречивые взгляды, подходы и содержание публикуемых работ отнюдь не уменьшился. Существуют историко-географические описания отдельных территорий (в частности, субъектов Российской Федерации), разные по содержанию и научным достоинствам. Они могут охватывать тот или иной временной интервал или дают хронологические срезы непрерывного исторического процесса и основаны на выборке исторических фактов, относящихся к расселению, хозяйственному освоению территории или культурному наследию и т. п. Пока еще редки, но несомненно перспективны исследования истории природопользования и последствий антропогенного воздействия на ландшафты.

Наличие различных подходов к историко-географическому исследованию вполне естественно, если принять во внимание обширность и междисциплинарный характер самого исследовательского поля; хуже то, что не выработана объединяющая теоретико-методологическая концепция и историческая география остается аморфной научной сферой, находящейся в хаотическом состоянии.

Между тем, если учесть уникальное положение исторической географии на стыке истории и географии, между естественными и гуманитарными науками, перспективы ее развития в условиях прогрессирующих противоречий между обществом и природной средой несомненны.

Формированию интегрированной (комплексной или общей) исторической географии препятствует дезинтеграция самой географии и отрыв ее от истории. Тесные связи обеих наук восходят к античной эпохе и еще в XIX в. были традиционными для некоторых национальных школ. Столь же традиционным для географии надо считать интерес к изучению связей между человеком и природной средой. Но на протяжении XX в. эти традиции география практически утратила. Это объясняется преимущественно двумя главными фактора-

ми — влиянием антиисторической (хорологической) концепции А. Геттнера и отказом от географического детерминизма (точнее, от его рационального научного зерна). Оба эти фактора особенно сильно сказались на гуманитарной ветви географии, что неизбежно должно было отразиться на состоянии географии исторической.

К настоящему времени наиболее высоким интеграционным потенциалом обладает ландшафтоведение, или учение о природных геосистемах, как синтетическая дисциплина в системе физико-географических наук. В рамках ландшафтоведения возникла историческая география ландшафтов, или историческое ландшафтоведение, которая одновременно может рассматриваться как раздел всеобщей исторической географии. О значении ландшафтно-географического подхода для развития и консолидации исторической географии в целом говорится в другой публикации [5], в этой статье пойдет речь лишь об одной из актуальных теоретических и методологических проблем общей исторической географии, а именно об *историко-географическом районировании*. Однако прежде необходимо внести ясность в понимание предмета и задач общей исторической географии.

В самой общей форме главную научную задачу исторической географии можно определить как изучение истории взаимодействия человека с природной средой, а точнее — *географических аспектов* этого взаимодействия. Среди ученых-гуманитариев бытует ходячее представление о географии как науке о размещении всевозможных объектов и явлений. Подобный взгляд переносится и на историческую географию, чем и объясняется ее «всеядность» и беспредельность. Между тем географы постепенно приходили к убеждению, что для них истинными объектами исследования должны служить *территориальные системы*. Этот взгляд можно уже считать вполне устоявшимся в физической географии, но в общественную географию системный подход внедряется труднее, и это отражается на хаотическом состоянии общей исторической географии. Перспективы интеграции в сфере социально-экономической географии наметились с появлением понятия о *территориальной организации общества*. Хотя это понятие еще не получило должного признания у специалистов и недостаточно разработано, для его развития в различных отраслях социально-экономической географии имеется определенный задел в виде представлений о территориальных системах расселения, энергетики, транспорта, территориально-производственном комплексе и др. [13].

Практически задача изучения истории взаимоотношений между населением и природной (географической) средой реализуется путем создания комплексных региональных историко-географических характеристик. Как можно более широкий охват всей страны подобными характеристиками создавал бы фундамент для теоретических обобщений и внедрения их в общественную практику. Историко-географическому анализу может подлежать любая территория, в любых границах. Но всякая географическая характеристика более или менее обширной территории должна строиться по ее территориальным подразделениям, т. е. по регионам того или иного ранга, которые по существу и являются объектами исследования. Таким образом, в самом начале регионального историко-географического исследования мы сталкиваемся с проблемой специализированного районирования.

Районирование не следует рассматривать лишь как способ рациональной организации материала для историко-географического описания: в нем конкретно воплощаются идеи территориальной системы вообще и территориаль-

ной общественной системы в частности как объектов историко-географического анализа и синтеза.

Основные принципы историко-географического районирования. Подход к районированию в исторической географии имеет существенные отличительные особенности, не свойственные устоявшимся в современной географии принципам районирования. Во-первых, надо подчеркнуть, что в исторической географии речь идет в сущности об *интегральном районировании*, охватывающем как природную, так и социально-экономическую специфику региона. Такая постановка вопроса находится в определенном противоречии с прочно устоявшейся традицией раздельного районирования по двум соответствующим критериям и признакам. Во-вторых, районирование в исторической географии должно отражать *изменчивость во времени* региональной структуры изучаемой территории, происходившие перестройки в системе регионов, возникновение новых регионов, изменение региональных границ и т. д. По существу проблема заключается в изучении процесса формирования и эволюции региональной структуры территории, тогда как традиционное районирование фиксирует результат этого процесса, т. е. его состояние на сегодняшний день.

По поводу первой из отмеченных отличительных особенностей историко-географического районирования следует заметить, что она была присуща и первоначальным опытам районирования России, относящимся к XVIII и даже XIX в., в частности известным работам К. И. Арсеньева, к которым еще предстоит обратиться ниже. В те времена схемы районирования страны не сопровождались какими-либо эпитетами («природное», «экономическое» и т. п.) и предполагался их интегрально-географический характер. Лишь в XX в. произошло размежевание на два независимых направления и попытки их объединить ни к чему не привели; несовместимость политико-административных и экономических границ с природными служит главным доводом против возможности осуществить единое (общегеографическое) районирование, и такая возможность остается проблематичной.

Между тем классики отечественной географии настойчиво пытались доказать, что в основе всякого районирования, в том числе экономического и даже административно-территориального, должны лежать природные факторы. Еще в 1791 г. А. Н. Радищев писал о необходимости нового административного деления России, «следуя в том чертам, природою между народами назначенным» [9, с. 497]. При этом он особенно подчеркивал, что важно провести природное районирование и основанное на нем административное деление Сибири. Впоследствии наиболее убедительно о природных основах социально-экономического районирования России говорил П. П. Семенов-Тянь-Шанский [10].

В данном случае нам нет необходимости вникать в методологические аспекты проблемы соотношения между природными и общественными территориальными системами. Мы исходим из конкретной практической необходимости иметь рациональную систему территориальных подразделений (если угодно — рабочую схему) для историко-географического анализа, охватывающего как природные, так и социально-экономические процессы, притом в их взаимной связи. Уже имеющийся опыт региональных исследований в этом направлении позволяет сформулировать основные принципы выделения историко-географических регионов. Прежде всего следует признать, что в основе его должно лежать комплексное природное, т. е. ландшафтное, райони-

вание. К этому выводу мы приходим как с хронологической точки зрения, так и с логической. Ландшафтные регионы первичны по отношению к социально-экономическим, политико-административным и другим, они существовали до появления человека. Природные факторы в значительной степени влияли на расселение и хозяйственную деятельность, на формирование территориальных социально-экономических систем разного рода. К этому надо добавить значительно более высокую устойчивость природных систем как во времени, так и в пространстве. Природные факторы в большинстве случаев определяют опорный каркас первичных социально-экономических систем. Ядра последних часто образуют крупнейшие поселения, возникающие на речных торговых путях, и реки служат своего рода осями, по которым идут расселение и хозяйственное освоение территории.

Первоначальные границы социально-экономических и политических территориальных систем, как правило, проходят по естественным рубежам — орографическим барьерам, речным водоразделам, границам ландшафтных зон. Подобные рубежи значительно более устойчивы, чем обусловленные факторами антропогенного характера — войнами, междоусобицами, переделом земель. Заметим, что границы историко-географических регионов обычно не резкие. Это относится и к большинству природных рубежей, в том числе к зональным, поскольку ландшафтная сфера представляет собой континуум, в котором пространственные переходы, как правило, происходят постепенно. Резкие границы имеют преимущественно искусственное происхождение, разделяют политические и административные единицы. Но их значимость в системе исторического районирования лимитируется эфемерностью большинства разграничиваемых объектов. Расплывчатость многих региональных границ неизбежно допускает элемент условности при их проведении на карте, но не имеет сколько-нибудь существенного значения с точки зрения методики историко-географических исследований.

Таким образом, историко-географический район имеет как бы двухслойную структуру. Первый «слой» представлен природными элементами, он играет стабилизирующую роль в территориальной системе, т. е. выполняет функцию ее инвариантной части. Природное районирование служит базисным для историко-географического, которое условно можно рассматривать как интегральное. Политические и социально-экономические элементы такого региона образуют его мобильную составляющую. Их районообразующее значение возрастает в процессе исторического развития, но не «отменяет» функций природных факторов. В интегральных описательных характеристиках историко-географических регионов нередко присутствуют этнокультурные элементы. Против этого трудно возражать, но следует иметь в виду, что их районообразующее значение, как правило, несущественно. «Привязать» культуру, в особенности духовную, к каким-либо конкретным регионам не всегда возможно. Независимо от места происхождения она быстро распространяется, не считаясь с какими-либо природными, политическими или экономическими рубежами. При этом культура обычно не обнаруживает тесных обратных связей с природной средой, т. е. не оказывает существенного воздействия на нее.

Из всего сказанного следует, что вариабельность во времени должна быть имманентно присуща историко-географическим регионам. Изменения региональных границ, а иногда и формирование новых районов за счет дробления или перестройки прежних связаны с переломными событиями в истории,

обуславливающими начало ее нового этапа. Отсюда вполне логично на таких исторических рубежах пересматривать сетку районирования и вносить в нее необходимые коррективы. Тем самым отражается та вторая специфическая особенность историко-географического районирования, о которой упоминалось выше.

Изложенные здесь соображения о принципах историко-географического районирования следуют из опыта исследований Северо-Запада Европейской России. Рамки журнальной статьи ограничивают ее содержание интервалом между серединой IX в. и концом XVII в., т. е. допетровским периодом российской истории.

Прежде чем перейти к истории формирования географических регионов Северо-Запада ЕТР, целесообразно вспомнить о *таксономии* в районировании. Как известно, районированию обычно присуща иерархическая структура, и в зависимости от конкретной цели районирование может быть произведено с различной детальностью. Как природным, так и общественно-историческим процессам свойственна территориальная разномасштабность. При изучении природно-общественных взаимосвязей важно рассматривать эти процессы в сопоставимых территориальных масштабах. Так, возникновение и распространение древнейших цивилизаций, ислама и буддизма, империй Александра Македонского и Чингисхана не случайно связаны с территориальными категориями в ранге так называемых субконтинентов (Ближний, Средний и Дальний Восток, Центральная Азия и др.). Понятие субконтинент не содержит в себе строгого географического содержания, но за ним, бесспорно, стоит представление об определенной общности ландшафтов.

К настоящему времени иерархия в ландшафтном районировании разработана достаточно подробно и основана на сочетании зональных и азональных критериев. Известны разные варианты таксономической системы ландшафтного районирования [3]. В данном случае наиболее актуальным представляется различать три главные ступени этой иерархии [4]. В качестве высшего уровня рассматривается макроландшафтный регион, выделяемый по сочетанию широтно-зональных и долготно-секторных признаков (например, Восточно-Европейский подтаежный). Вторая ступень — мезоландшафтный регион, выделяемый в пределах предыдущего по принадлежности к той или иной азональной ландшафтной области, например к Северо-Западной. Выделы этого ранга можно именовать ландшафтными провинциями (например, Северо-Западная подтаежная провинция) или подпровинциями, если они рассматриваются в рамках подзон (например, Северо-Западная среднетаежная, северотаежная и южнотаежная подпровинции).

Наконец, замыкающим звеном в системе ландшафтного районирования служит низовой ландшафтный район, или просто ландшафт, в котором сходятся все зональные и азональные факторы территориальной дифференциации, а также территориальные связи регионального масштаба. Все более подробные территориальные различия этого рода рассматриваются как локальные. В качестве примеров можно назвать ландшафты Приневский, Предглинтовый, Южно-Приладожский и другие в Северо-Западной южнотаежной подпровинции [6].

В общественно-исторической сфере универсальное значение имеет политико-административная иерархия, в которой наивысший уровень занимает государство, а низшие ступени представляют единицы АТД разных рангов. Сопоставимость этих территориальных подразделений с ландшафтными

ограничена слабостью взаимных связей между этими двумя категориями территориальных систем. На первых этапах общественной истории эти связи зачастую были достаточно очевидны, но постепенно ослабевали или приобретали косвенный и завуалированный характер. Тем не менее нельзя исключать историческую унаследованность многих давних воздействий природных факторов вплоть до настоящего времени.

О таксономической иерархии историко-географических регионов говорить еще рано. Ее предстоит разрабатывать, и надо полагать, что основой для этого должна послужить система ландшафтного районирования. Политико-административная иерархия для этой цели малоперспективна в силу разнокалиберности государственных образований. С одной стороны, среди последних государства-карлики, «осколки» бывших крупных историко-географических областей, с другой — страны-гиганты, в том числе Россия, гетерогенные как в макроландшафтном отношении, так и в общественно-историческом, и подлежащие разделению на историко-географические регионы разных уровней.

Северо-Запад Европейской России как историко-географический макрорегион. Региональный историко-географический анализ логически следует начинать с обоснования целостности изучаемого района, его самостоятельности как объекта исследования, его границ; а затем уже переходить к его внутренней территориальной структуре, т. е. составляющим регионам более низкого ранга. Понятие о Северо-Западе Европейской России можно считать уже традиционным для отечественной географии. Однако в его понимании нет достаточной строгости и сохраняются предпосылки для путаницы между физико- и экономикогеографами.

Представление о географическом своеобразии территории, ныне известной как Северо-Запад ЕТР, существует в российской географии уже по крайней мере с начала XIX в. В 1818 г. К. И. Арсеньев разделил территорию России на 10 «пространств» путем группировки губерний [¹]. Это деление принято рассматривать как первое экономическое районирование страны, хотя его автор стремился отразить в нем различия как по хозяйственным, так и по природным признакам (насколько это можно осуществить, оставаясь в рамках административного деления). В числе 9 «пространств» Европейской России (Сибирь осталась неразделенной) значится Алаунское,¹ отвечающее Северо-Западу в современном понимании. Хотя К. И. Арсеньев отнес к этому пространству не только губернии Петербургскую, Новгородскую и Псковскую, но также Тверскую и Смоленскую, в этом есть определенный резон: обе эти губернии в значительной своей части заходили в пределы Северо-Запада как ландшафтного региона.

Среди последующих работ по районированию России выделяются труды П. П. Семенова-Тян-Шанского. В 1871 г. он доказывал, что районирование России в отношении размещения населения и хозяйства должно основываться на *естественном делении* территории, и отвергал районирование путем группировки губерний, поскольку последние неоднородны ни в природном, ни в экономико-демографическом отношении [¹⁰]. Его первую попытку разделить Европейскую Россию на 14 географических областей вряд ли можно признать удачной. Заметим, в частности, что Северо-Запад как целостный регион в этом районировании отсутствует; отдельно выделена Петербургская

¹ «Алаунское» происходит от старинного названия Валдайской возвышенности («Алаунские горы»).

промышленная область (в составе трех подстоличных уездов), Псковская губерния отнесена к «Западной окраине» (куда вошла и Польша), а вся остальная территория вошла в «Новгородско-финское Полесье», простирающееся на востоке примерно до Великого Устюга.

В 1877—1878 гг. П. П. Семенов-Тянь-Шанский существенно пересмотрел свое районирование и вернулся к группировке губерний. К новой схеме он обращался в ряде последующих публикаций [11]. В числе 12 географических областей им выделена *Озерная область*, объединявшая 4 губернии: Петербургскую, Новгородскую, Псковскую и Олонецкую. Последняя в основном соответствует южной (приблизительно среднетаежной) части современной Республики Карелия. Таким образом, в Озерную область наряду с Северо-Западом Русской равнины вошла и значительная часть Балтийского щита.

В советской географической литературе довольно прочно укрепились физико-географическое представление о Северо-Западе ЕТР как особой ландшафтной области в составе Восточно-Европейской физико-географической страны [3, с. 298]. Однако параллельно существовало понятие о Северо-Западе РСФСР как одном из крупных («госплановских») экономических районов страны, утвержденных еще в 1920-е гг. Это создавало определенные неудобства и нередко приводило к путанице, например когда под названием «Северо-Запад РСФСР» описывался физико-географический Северо-Запад, по площади более чем в 8 раз уступающий одноименному экономическому району. В 1982 г. правительственным постановлением «Большой Северо-Запад», охватывавший всю северную часть ЕТР, был разделен на два экономических района. Название «Северо-Западный район» было оставлено за его меньшей частью в составе областей Ленинградской, Новгородской и Псковской. Это существенно приблизило его к Северо-Западной ландшафтной области и сделало эти два понятия вполне сопоставимыми, хотя ожидать полного совпадения границ не следовало.

Представление о Северо-Западе ЕТР как особом историко-географическом регионе близко соответствует одноименной ландшафтной области, но территориально несколько выходит за пределы границ трех современных субъектов Российской Федерации. Как в ландшафтном отношении, так и в историко-географическом к Северо-Западу должна быть отнесена западная часть Вологодской области (в бассейнах Шексны и Мологи), которая до 1937 г. входила в состав Ленинградской области. Кроме того, в этот регион входят относительно небольшие участки территории Республики Карелия и Тверской области. К Северо-Западной ландшафтной области обычно относят часть территории Архангельской области (в бассейне Онеги), но здесь ландшафтные рубежи еще требуют уточнений, и в историко-географическом отношении эта территория принадлежит к Северу Европейской России и в данном случае не рассматривается.

Ландшафтная специфика Северо-Запада ЕТР обусловлена, с одной стороны, его принадлежностью к области последнего оледенения и соответственно относительной молодостью ландшафтов, а с другой — географическим положением как в системе широтных поясов и зон, так и в системе континенты—океаны. Конкретные проявления этих факторов в ландшафтах достаточно хорошо изучены, общеизвестны и не нуждаются в подробном описании. В связи с темой статьи важнее проследить, как влияние ландшафтов сказалось на исторических процессах расселения, освоения территории и формировании территориальных общественных систем.

Природный ресурсно-экологический потенциал Северо-Запада нельзя признать высоким. Экологические условия для жизни человека можно определить как прекомфортные, т. е. переходные от экологического оптимума «средней полосы» Европейской России, расположенной в суббореальном поясе, к менее благоприятным условиям типичной тайги бореального пояса [4]. Развитие земледелия ограничивается невысокой общей теплообеспеченностью при избыточном атмосферном увлажнении, интенсивным выщелачиванием почв, а также недостатком земель для распашки вследствие широкого распространения болот, заболоченных площадей, пересеченного холмистого рельефа, завалуненности, малоплодородных песчаных материнских пород. Тем не менее восточнославянские племена, перебравшиеся на Северо-Запад во второй половине первого тысячелетия, нашли возможность расчистить часть покрытых лесом земель под сельскохозяйственное освоение, и земледелие явилось основой их традиционного природопользования, хотя набор культур оказался весьма скромным, а урожайность значительно ниже, чем на первоначальной родине славян в суббореальной Европе.

Главный природный ресурс рассматриваемого региона несомненно лес. О разностороннем значении его в жизни и хозяйственной деятельности населения подтаежных и таежных ландшафтов нет надобности распространяться, имея в виду не только древесину, но и сопутствующие биологические ресурсы, а также экологические функции. Нет здесь недостатка и в минеральных строительных материалах, а на ранних (доиндустриальных) этапах развития общества немалое значение имели запасы болотной железной руды.

Особо следует остановиться на водных ресурсах Северо-Запада. Влажный климат определил развитие густой речной сети с постоянным стоком, а наследием послеледниковой истории явились крупные озера. Наряду с высокой хозяйственно-бытовой водообеспеченностью в перспективе это означало и значительные энергоресурсы (достаточно вспомнить, что отсюда начиналась практическая реализация плана ГОЭЛРО — Волховская ГЭС). Но здесь необходимо обратить внимание на специфическую организационную функцию рек на начальном этапе расселения и зарождения территориальных систем организации общества. На это обстоятельство еще в начале XIX в. указал К. И. Арсеньев. Ему принадлежит сочинение под длинным названием, начинающимся словами: «Гидрографическо-статистическое описание городов России...» [2]. Это первый труд по географии городов; автор рассмотрел историю возникновения российских городов начиная с XVII в. и их эволюцию, причины расцвета или упадка в течение последующего времени в тесной связи с характером речной сети страны. Анализ истории городов Северо-Запада доказывает выдающуюся роль рек Северо-Запада не только как главных транспортных магистралей, вплоть до появления железных дорог, но и как путей миграционных потоков, основных магистралей расселения, «осей» хозяйственного освоения территории, размещения центров торговли и ремесла, опорных оборонительных пунктов. Некоторые из старейших поселений этого типа (в частности, Новгород и Псков) стали ядрами историко-географических регионов и сохранили эту функцию до наших дней. Но это имеет отношение уже к формированию регионов второго порядка внутри Северо-Запада ЕТР.

Северо-Запад Европейской России занимает особое место в политической истории страны, четко обозначаемое как хронологическими, так и хронологическими рубежами. До конца XV в., т. е. до вхождения в состав централизо-

ванного Российского государства, Северо-Запад фактически пользовался политической самостоятельностью. Так было и в период его вхождения в состав Киевской Руси (882—1132), и в особенности в годы существования Новгородской феодальной республики (1136—1478), границы которой почти совпадали с рубежами Северо-Западной ландшафтной области. Отделение Псковской земли от Великого Новгорода (1348) и определенное соперничество между ними не нарушило общей историко-политической самобытности региона, в частности как форпоста Руси на западной границе и как плацдарма последующего расширения его территории на севере, в чем главная заслуга принадлежит новгородцам. Из других историко-политических особенностей Новгородских и Псковских земель надо отметить, что в отличие от остальной Руси они не подверглись монголо-татарскому нашествию. Нет надобности подчеркивать и уникальность своеобразного феодально-республиканского строя.

Таким образом, Северо-Западный историко-географический регион в общих чертах соответствует одноименной ландшафтной области Русской равнины. Большая часть его территории относится к водосбору Балтийского моря. От всей остальной территории этой физико-географической страны Северо-Западный историко-географический регион наиболее четко отделяется линией водораздела между речными бассейнами Невы и Великой, с одной стороны, и Волги, Днепра и Западной Двины — с другой. Единственным исключением является часть Молого-Шекснинской низменности, также входящей в Северо-Западную ландшафтную область, но относящейся к бассейну Волги: на этой территории уже ко времени зарождения русской государственности (середина IX в.) обосновались новгородцы.

Внутренние различия и формирование историко-географических мезорегионов на Северо-Западе Европейской России. Территория Северо-Западной ландшафтной области достаточно сложна и разнообразна как в природном, так и в историко-географическом отношении. В схеме физико-географического районирования этой территории (в границах трех основных подразделений АТД) число низовых ландшафтных районов составило 51 [6], а при последующих уточнениях оно приблизилось к 70. Между отдельными ландшафтными районами существуют значительные контрасты по характеру природной среды, проявляющиеся в плотности населения, природопользовании, экономике, а также в ответном воздействии населения на ландшафты. В исторической географии эти соотношения наблюдаются уже на протяжении многих столетий, что позволяет применить принцип актуализма для оценки роли географической среды в общественно-исторических процессах и в территориальной организации общества на разных уровнях.

Так, в середине 1960-х гг. распаханность ландшафтов Северо-Запада в среднем не превышала 2,5 %, но в некоторых из них не достигала и 1 %, тогда как в Пришелонском ландшафте достигала 35 %, а в Нижневеликорецком превышала 45 %. Оба названных ландшафта расположены в подтаежной части Северо-Западной ландшафтной области на низменных равнинах с фундаментом из карбонатных пород и соответственно с наиболее плодородными почвами. В то же время соседний с Пришелоньем Полистовский болотный ландшафт практически хозяйственно не освоен, и можно утверждать, что принципиально такое соотношение сохраняется между названными ландшафтами на всем протяжении истории их заселения и освоения. Н. Н. Максимова проанализировала сельскохозяйственную освоенность административных

районов Ленинградской области по большой серии статистических показателей (структура земельного фонда, урожайность культур, надой молока, стоимость производства сельскохозяйственной продукции и др.) отдельно по площадям, относящимся к разным ландшафтам, и пришла к заключению о существовании четких различий между ландшафтами в интенсивности и характере освоенности [8]. Опыт детального анализа истории взаимоотношений между населением и ландшафтом на низовом региональном и отчасти на локальных уровнях представлен в специальной монографии [7], охватывающей часть территории Северо-Западного региона. В этой статье автор имеет возможность обсуждать лишь дифференциацию региона на территориальные подразделения первого порядка, которые можно условно именовать историко-географическими мезорегионами (по аналогии с соразмерными ландшафтными мезорегионами).

Формирование историко-географических мезорегионов происходит под воздействием как природных, так и историко-политических и этнических факторов, но на ранних этапах определяющее значение имеют первые. Начать следует с того факта, что территория Северо-Запада расположена в трех широтно-зональных полосах — подтайге, южной тайге и средней тайге. Объяснять подробно сущность различий между ними нет надобности. Достаточно привести несколько цифр, характеризующих степень теплообеспеченности: сумма активных температур (за период со средней температурой воздуха выше 10 °C) изменяется от 1550—1600 °C в среднетаежной части территории и почти до 2000 °C в подтаежной. Различия в естественной теплообеспеченности, проявляющиеся в истории заселения, освоения, хозяйственной деятельности, дают основание начать мезорегиональный анализ Северо-Запада с подразделения на три зональных выдела.

На этот «зональный фон» накладывается действие фактора долготной секторности, выражающегося в усилении степени континентальности, суровости зимы, в увеличении продолжительности залегания снежного покрова и ледостава на реках и так далее в направлении с запада на восток. В качестве примера можно привести величины абсолютного минимума температур воздуха: от –35—40 °C на западе до –55 °C на востоке. По долготно-секторному критерию в подтаежной и южнотаежной полосах можно выделить по два долготных «отрезка» — западный и восточный. Среднетаежная часть Северо-Запада, наименьшая по площади, по этому критерию не разделяется. Следовательно, по сочетанию широтных и долготных ландшафтных признаков Северо-Западный историко-географический регион может быть разделен на 5 первичных подразделений первого порядка.

Как зональные, так и долготно-секторные изменения в пространстве происходят постепенно, без четких границ, и в ряде случаев при их проведении приходится допускать некоторую условность. Как и в случае с внешними границами всего макрорегиона, здесь большое значение, особенно при выделении долготных подразделений, имеют линии водоразделов, в свою очередь связанные с орографией. Так, один из важнейших историко-географических рубежей, разделяющий Псковскую и Новгородскую земли, соответствующие западной и восточной частям Северо-Западной подтайги, можно надежно провести по водоразделу между бассейнами рек Великой, с одной стороны, и Ловати, а также Шелони — с другой. В южнотаежной полосе важный историко-географический рубеж, отделяющий восточную часть от основной территории, проходит по орографическому барьеру гребня Валдайской возвышен-

ности (в широком смысле слова) и одновременно водоразделу между бассейнами Невы и Волги.

Зональный рубеж между подтайгой и тайгой, «размытый» и внешне как будто ничем не маркируемый, имеет важное историко-географическое значение. По-видимому, он долгое время служил северным пределом расселения восточнославянских племен, а впоследствии на нем возникли Новгород и Псков — главные центры русской цивилизации в северной части Восточной Европы, сыгравшие выдающуюся роль в истории России. Однако, проводя на карте историко-географического районирования границу между двумя ландшафтными зонами — таежной и подтаежной, мы сталкиваемся с уже отмеченной «размытостью» зональных рубежей. По существу зональные границы являются переходными полосами («экотонами»). Граница между тайгой и подтайгой в пределах Северо-Запада не есть исключение. Каждый автор проводил ее по-своему, допуская те или иные условности. Так, в схеме [3] Мстинская впадина и Приильменье условно отнесены к подтайге, а вся территория, примыкающая к Псковско-Чудскому озеру, — к южной тайге. Последний участок вызывал наибольшие расхождения. В частности, Л. С. Берг во всех своих работах о ландшафтных зонах начиная с 1913 г. относил его к подтайге (зоне смешанных лесов). Заметим, что территорию, примыкающую к западному берегу Псковско-Чудского озера, и всю Эстонию принято относить к подтайге. Подобная ситуация дает историко-географу определенную свободу действий в рамках зонального «экотона» и в данном случае позволяет отнести к подтайге водосбор восточных притоков Псковско-Чудского озера (в пределах современной Псковской области). Этот вариант наиболее отвечает исторической реальности.

Граница между южнотаежной и среднетаежной подзонами в пределах Северо-Западного региона существенно менее значима с историко-географической точки зрения и к тому же менее ясно выражена в ландшафтах.

Надо заметить, что деление территории по гидрографическим критериям помимо вспомогательного в качестве индикатора зональных и долготных ландшафтных различий имеет существенное самостоятельное историко-географическое значение. Если водоразделы способствовали усилению различий между регионами и их размежеванию, то реки выполняли важнейшую функцию по внутренней консолидации последних. Выше уже упоминалось о значении рек как путей миграции и основных траекторий хозяйственного освоения. На реках возникали «ядра» историко-географических регионов. К специфике гидросети Северо-Запада («Озерного края» по П. П. Семенову-Тянь-Шанскому) относится обилие озер, в том числе крупных — Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского, Ильменя, Белого. Сочетание развитой речной сети с озерами создавало особенно благоприятные условия для развития водных торговых путей (и среди них трансевропейского «из варяг в греки») и опорного каркаса поселений на них — торговых, ремесленных, культурных центров, перевалочных и укрепленных стратегических пунктов. Среди этих опорных пунктов выделились особо крупные центры, ставшие ядрами первичных государственных образований и в то же время исторических мезорегионов. Таковы Новгород и Псков, расположенные на «перекрестках» важнейших водных путей с главным ландшафтно-зональным рубежом. Не случайно эти древнейшие русские города образовали ядра старейших исторических мезорегионов, известных под названиями Новгородская земля и Псковская земля. Другие мезорегионы также прямо или косвенно

связаны с гидрографическими факторами. Самый обширный из них, не получивший какого-либо общепринятого наименования, занимает основную часть южнотаежной полосы Северо-Запада, непосредственно связан с системой Волхов—Ладожское озеро—Нева—Финский залив, т. е. с северным участком пути «из варяг в греки». Наиболее известное древнейшее поселение — Ладога, впервые упоминаемая в летописях под 862 г. Однако на роль центра она «не тянет». Вся эта территория с IX—X вв. до конца XV в. находилась в сфере интересов Новгорода, часто подвергалась шведской агрессии и лишь с основанием Санкт-Петербурга в начале XVIII в. стала обретать стабильный статус в системе историко-географических регионов.

Вполне четкое историко-региональное своеобразие присуще относительно небольшой северо-восточной периферии рассматриваемого макрорегиона, приуроченного к системам Шексны—Белого озера и Мологи с древним центром Белоозером (Белозерском). Наконец, самое северное положение в макрорегионе занимает среднетаежный мезорегион, осью которого служит р. Свирь. Регион издавна выполнял важную транзитную функцию на Северо-Западе, соединяя Новгород с отдаленными землями «Заволочья», относящимися уже к Северу Европейской России как особому историко-географическому макрорегиону. Однако сколько-нибудь заметного центрального опорного пункта здесь не сложилось.

Значение политических, этнических или иных общественно-исторических факторов в отличие от природных не имеет столь универсального характера при формировании историко-географических мезорегионов. Это объясняется эфемерностью общественно-исторических территориальных образований и неустойчивостью их последствий. Следы частых политических перемен обычно быстро стираются в ландшафтах. Однако известны и исключения, в частности на западе южнотаежной полосы Северо-Западного региона, пережившем длительное шведское господство, окончательно прекратившееся лишь после Северной войны 1700—1721 гг. Наибольшее районообразующее значение в исторической географии имеют устойчивые государственные границы, в особенности если они совпадают с этническими рубежами. Такова граница Российской Федерации на ее северо-западном отрезке, которая принимается в исторической географии как нечто само собою разумеющееся.

Принимая во внимание реальные исторические факты появления и исчезновения территориальных образований, связанных с историей этносов и государств, следует признать районирование по природным критериям в качестве базисного, или исходного. По мере приближения к современности оно уточняется и дополняется за счет подразделений второго порядка, или субрегионов, которые могут выявляться на тех или иных этапах хода истории. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает связь историко-географического районирования с исторической периодизацией.

Возвращаясь к базисным историко-географическим мезорегионам, следует сказать об определенных трудностях, связанных с необходимостью обозначить их максимально краткими географическими названиями. Простейший вариант — использование географических названий региональных городских центров — по аналогии с АТД. Однако в нашем случае из 5 регионов 2 не имеют таких центров. В практике природного районирования универсальное значение имеют географические названия, производные от орографических и гидрографических топонимов. Они присутствуют и в АТД (например, Алтайский край, Амурская область). Наиболее рациональным в нашем

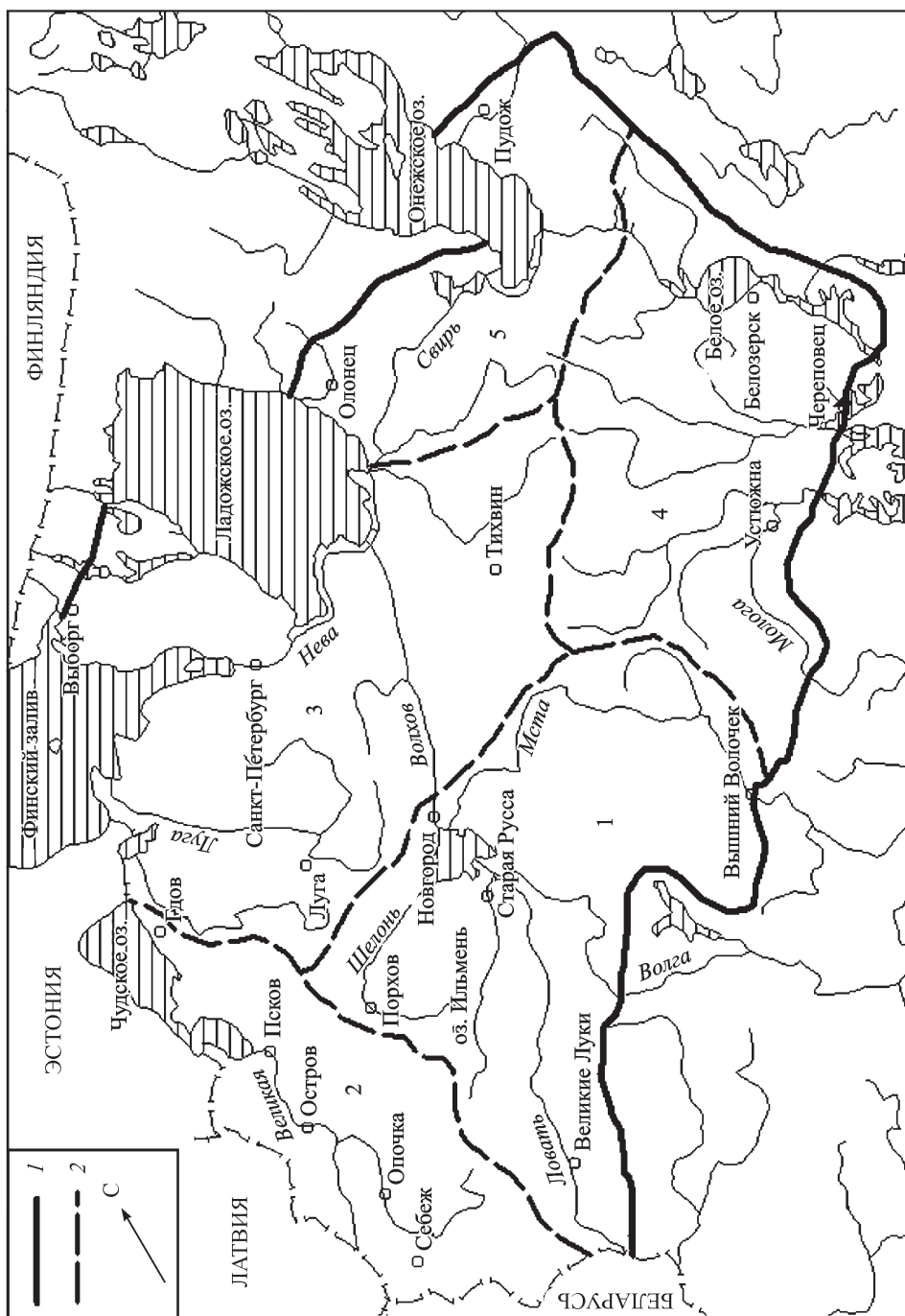
случае представляется использовать сочетание собственных гидрографических названий с ландшафтно-зональными. Предлагаемый ниже вариант выглядит несколько громоздким, но его следует рассматривать как предварительный, или рабочий (см. рисунок).

1. *Ловатско-Ильменский подтаежный регион*. Практически совпадает с бассейном оз. Ильмень и включает водосборы не только Ловати, но также Мсты и Шелони, а кроме того, исток Волхова с Великим Новгородом. Поэтому приведенное здесь название нельзя признать вполне удачным. Возможная альтернатива — *Валдайско-Ильменский регион*. Регион занимал видное место в экономике, культуре, внешних связях Средневековой Руси, в XII—XV вв. составлял ядро Новгородской феодальной республики, но с началом XVI в., с переходом во власть централизованного Московского государства, а затем по мере возвышения Санкт-Петербурга, его значение существенно упало.

2. *Великорецкий подтаежный регион*. Практически совпадает с бассейном р. Великая, частично захватывая небольшую территорию, примыкающую к Псковско-Чудскому озеру; вполне отвечает понятию Псковская земля, или Псковщина. В исторических судьбах у этого историко-географического региона, в течение многих веков занимавшего положение западного форпоста Руси, много общего с предыдущим. В XIV—XV вв. на его территории существовала Псковская феодальная республика, в 1348 г. отделившаяся от Новгородской и в значительной степени с ней конкурировавшая. Но в 1510 г. последовало присоединение к Москве, а в дальнейшем, после переноса столицы страны в Санкт-Петербург и упрочения государственной границы, как стратегическое, так и торгово-экономическое значение Псковщины резко упало.

3. *Балтийско-Волховский южнотаежный регион*. Название условное и возможно его уточнение. Охватывает практически всю южнотаежную часть бассейна Невы, а также водосбор Луги и всех более мелких рек, впадающих в Финский залив. Восточная граница региона проходит по Тихвинской гряде — водоразделу бассейнов Волхова и Мологи. По площади это наиболее обширный историко-географический мезорегион Северо-Запада, а по географическому положению он вполне заслуживает названия «Окно в Европу». История региона заполнена противоборством между Русью и западными соседями, в ходе которого обширные площади в западной части неоднократно переходили из рук в руки вплоть до середины XX в., сопровождаясь переменами в социальном строе, этническом составе населения, природопользовании и антропогенными изменениями в ландшафтах (подробнее см. [7]). Все эти перемены существенно сказались на внутренних территориальных различиях и требуют специального анализа на предмет выделения историко-географических подрайонов, или мезорегионов второго порядка. Важнейшим перелом в истории региона произошел в начале XVIII в. и связан с основанием Санкт-Петербурга.

4. *Молого-Шекснинский (Белозерский) южнотаежный мезорегион*. В природной среде региона можно усмотреть черты перехода к средней тайге, тогда как его гидрографо-орографические рубежи достаточно четки. Территория расположена на Молого-Шекснинском междуречье в бассейне Волги, на его стыке с бассейнами Невы, Онеги и Северной Двины. Издревле она представляла большой интерес для новгородцев как плацдарм для экспансии на север и восток. Основанный ими Белозерск (впервые упоминается под 862 г.) — ровесник Новгорода. Бассейны трех главных рек были соединены сухопутными волоками. Былое узловое положение Белозерья на важнейших водных путях

до сих пор находит некоторое проявление в Мариинской системе как существенном звене Волго-Балта. Не следует считать случайным и формирование здесь Череповецкого промышленного узла. Но в XIII—XIV вв. эта территория явилась объектом притязаний со стороны «низовских» княжеств. В 1238 г. здесь образовалось самостоятельное Белозерское княжество, отделившееся от Ростово-Суздальского, а в 1389 г. перешедшее под власть Московского великого княжества.

5. *Свирский, или Онежско-Свирский, среднетаежный мезорегион.* Образует северную периферию Северо-Запада, расположен в бассейне Свири и южных притоков Онежского озера — Водлы и Вытегры; до конца XV в. входил во владения Великого Новгорода, выполнял главным образом транзитные функции. Отсюда новгородцы проложили важнейший водный путь на север через Водлу и сухопутный волок в бассейн Онеги. В хозяйственном отношении регион всегда оставался наименее освоенным на Северо-Западе Европейской России.

Заключение. Районирование — универсальный научный метод географических исследований. В задачи районирования входит анализ территориальных (точнее, *региональных* по масштабам проявления — в отличие от локальных) различий в изучаемых явлениях, разграничение территории на регионы разных уровней, их отображение на карте и всесторонняя характеристика. Районированию подлежат самые разнообразные природные и общественные явления и их комплексы. Отсюда множественность тематики районирования и соответственно систем регионального деления, однако проблема единого общегеографического (синтетического, интегрального) районирования не решена и возможность подобного районирования пока остается под вопросом.

Задача разработки специализированного историко-географического районирования вполне закономерна, но практически она была поставлена лишь в самом конце XX в. К настоящему времени уже известно немало попыток его разработки, но они не дали существенных результатов. В задачи данной статьи не входят обзор и анализ публикаций на эту тему, и автор ограничится лишь самыми краткими замечаниями без цитат и ссылок на библиографические источники. К числу общих недостатков следует отнести разноречивую и одностороннюю подходы к районированию. Одни авторы подходят к нему с этнической или этнокультурной точки зрения, другие — с политико- или экономико-географической и т. д. Как правило, отсутствует ясное представление об объекте районирования, факторах районообразования и принципах районирования вообще и дело сводится к более или менее субъективной и эклектической группировке субъектов АТД, как будто мы вернулись в XIX в., когда не было ни учения о ландшафте, ни физико-географического районирования.

При разработке любого районирования необходимо опираться на определенные научные принципы. Представляется, что в нашем случае следует исходить из признания двух фундаментальных положений или своего рода постулатов: 1) историко-географическое районирование приобретает смысл и научную значимость лишь при условии, что оно охватывает как природные, так и общественные явления в их взаимной связи, т. е. по существу является *интегральным* районированием, этим оно принципиально отличается от всех

Базисное историко-географическое районирование Северо-Запада Европейской России.

1 — граница Северо-Западного макрорегиона, 2 — границы мезорегионов.

других существующих видов районирования; 2) историко-географическое районирование уже «по определению» (точнее, по самому своему термину) не может оставаться стабильным во времени, оно должно следовать за ходом истории; иначе говоря, ему присуща *историческая изменчивость*, принципиально отличающая его от всех других видов районирования, дающих «современный срез» истории и в сущности статичных.

Исходя из изложенных «постулатов» автор в работе над историко-географическим районированием Северо-Запада Европейской России руководствовался следующими основными принципами.

В сложной многокомпонентной структуре всякого историко-географического региона следует различать элементы: а) устойчивые, практически не подвергающиеся переменам в ходе истории общественных отношений, и б) изменчивые, испытывающие непрерывные перемены во времени. Элементы первой группы составляют *инвариант* историко-географического региона: это природные компоненты, в совокупности образующие ландшафты. Все объекты, связанные с человеком и результатами его разносторонней деятельности, составляют мобильную, или переменную, часть историко-географического региона, и их районообразующее значение необходимо учитывать по мере вхождения в исторический процесс. Отсюда следует принцип *поэтапности* историко-географического районирования: на каждом этапе исторического развития той или иной территории система ее региональных подразделений должна пересматриваться и при необходимости корректироваться. При этом инвариантная природная составляющая играет роль *опорного каркаса*, обеспечивающего преемственность в истории взаимоотношений общества и природы и их территориальную сопоставимость.

Таким образом, объектами нашего районирования становятся особого рода пространственно-временные системы, называемые историко-географическими регионами. Их выявление, разграничение и описание — задача весьма непростая и потребует еще немало времени и усилий, чтобы найти согласованные ответы на многие вопросы. К числу первостепенных относится вопрос о *районообразующих факторах*. В современной практике к таким факторам относят географическую среду (носителями которой служат природные геосистемы, или ландшафты в широком смысле слова), политические события, развитие природопользования и экономики (что в свою очередь связано с научно-техническим прогрессом), смену социального строя, этнокультурные факторы. Соотношения этих факторов изменчивы во времени и в пространстве, оценка их районообразующих функций в каждом конкретном случае требует всестороннего анализа.

Наиболее дискуссионной следует считать точку зрения о ведущей или во всяком случае выдающейся роли культуры в формировании историко-географических регионов. Уже сама неопределенность и безграничность понятия «культура» создает для историко-географа серьезные трудности и нередко приводит к недоразумениям. С точки зрения географа-ландшафтоведа, важнейшая задача исторической географии — изучение истории антропогенной трансформации ландшафтов, в том числе и под воздействием культуры. Поэтому основным критерием районообразующей роли культуры должна быть оценка последствий, которые она оставляет в ландшафтах. Трудность этой оценки вытекает из того, что культура воздействует на ландшафт, как правило, косвенно — через традиционное природопользование и хозяйство. Одно-го лишь факта проживания в настоящее время на данной территории того или

иногo этноса недостаточно, чтобы выделить ее как самостоятельный исторический регион в границах современного АТД, как это делают некоторые исследователи. Многие народы за последние столетия прошли через миграции, изменения ареала их расселения и характера связей с природными ландшафтами и т. д. К этому следует добавить процессы ассимиляции, восприятия навыков природопользования других народов. Те этносы, которые сохранили давние традиционные связи с «кормящим ландшафтом» и традиционный характер природопользования, могут дать вполне реальные основания для выделения особых историко-географических регионов, даже если в общей численности современного населения они составляют меньшинство. Таковы, в частности, малочисленные народы Субарктики и Сибирской тайги. Но можно привести множество примеров, когда древнейшие этносы сменили свой первоначальный ареал и характер хозяйственно-культурного типа или перешли на формы природопользования, не соответствующие их конфессиональным и иным культурным традициям, под давлением политической или конъюнктурно-экономической необходимости (например, выращивание винограда на вино в исламском Алжире, опиийного мака в Афганистане).

В связи с обсуждением проблем, касающихся районообразующей роли культуры, нельзя обойти вопрос о месте *культурного ландшафта* в исторической географии. Здесь мы сталкиваемся с двойственностью этого понятия. С одной стороны, существует традиционное для ландшафтоведения, идущее от известных работ Л. С. Берга, представление о культурном ландшафте как о *естественном* ландшафте, измененном в результате человеческой деятельности, но сохранившем свои инвариантные природные особенности. С другой стороны, за последние два десятилетия среди специалистов в области гуманитарных наук распространился взгляд на культурный ландшафт как на некоторую совокупность явлений материальной и духовной культуры, не обязательно связанную с природным ландшафтом. При этом многие авторы отводят приоритетное значение в качестве критерия культурного ландшафта элементам духовной культуры, а некоторые авторы даже не исключают его экстерриториальности [12]. Если согласиться с последним, то далее рассуждать не о чем, ибо экстерриториальность несовместима с географией и автоматически исключает предмет обсуждения из сферы географических (в том числе историко-географических) исследований.

Оценивая роль различных факторов в формировании историко-географических регионов, необходимо иметь в виду *иерархичность* последних, т. е. таксономическую соподчиненность регионов разного порядка. Это позволяет в каждом конкретном случае соотнести значимость фактора с пространственными масштабами его действия так же, как и с временными рамками. Итак, следует постоянно иметь в виду пространственно-временной характер историко-географического региона и принцип сочетания территориального анализа с исторической периодизацией. Это предполагает последовательный поэтапный анализ исторического процесса и неприемлемость пресловутого метода «хронологических срезов», как и опоры на сетку современного АТД. Базисное природное районирование одновременно можно рассматривать и как начальное («стартовое») историко-географическое районирование для того этапа, когда развитие общества не выходило за рамки наиболее адаптивных форм природопользования.

Список литературы

- [1] *Арсеньев К. И.* Обзорение физического состояния России и выгод от того протекающих для народных промыслов, ныне существующих. СПб., 1818.
- [2] *Арсеньев К. И.* Гидрографическо-статистическое описание городов России с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков от начала XVII столетия и доныне. СПб., 1832—1834.
- [3] *Исаченко А. Г.* Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М.: Высшая школа, 1991. 365 с.
- [4] *Исаченко А. Г.* Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 320 с.
- [5] *Исаченко А. Г.* Историческая география ландшафтов, ее современное состояние и интеграционный потенциал // Изв. РГО. 2011. Т. 143, вып. 5. С. 1—15.
- [6] *Исаченко А. Г., Дашкевич З. В., Карнаухова Е. В.* Физико-географическое районирование Северо-Запада СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 248 с.
- [7] *Исаченко Г. А.* «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 476 с.
- [8] *Максимова Н. Н.* Опыт природно-хозяйственного районирования на примере Ленинградской области // Изв. РГО. 1999. Т. 131, вып. 3. С. 23—37.
- [9] *Радищев А. Н.* Избранные философские произведения. М., 1949.
- [10] *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи // Статистический временник Российской империи. СПб., 1871. Т. 2, вып. 1. С. 125—136.
- [11] *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Несколько общих выводов из данных по статистике поземельной собственности и населенных мест Центральной Земледельческой области // Статистика поземельной собственности населенных мест Европейской России. СПб., 1880, вып. 1.
- [12] *Туровский Р. Ф.* Культурные ландшафты России. М., 1998. 209 с.
- [13] *Хорев Б. С.* Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М.: Мысль, 1981. 320 с.

Санкт-Петербург
greg.isachenko@gmail.com
Санкт-Петербургский
государственный университет

Поступило в редакцию
6 ноября 2012 г.

Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 1

© А. А. АНОХИН, А. М. МЯКИНЕНКОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ

Определяя актуальные прикладные проблемы развития социально-экономической географии, необходимо отметить, что изначально становление этого научного направления было непосредственно связано с потребностью исследования и систематизации обширного и разнородного материала, накоп-